

Фан Цзюньжун, наконец, поняла, что, наяву или во сне, судьба Ли Ванцзиня — insult из-за этой девушки.

Она смотрела, как Ли Шицзэ с жалобным видом отправился искать Цзян Ягэ после того, как отвез отца в больницу.

Проснувшись, Фан Цзюньжун заметила, что проспала целых девять часов. Неудивительно, что она чувствовала себя такой отдохнувшей!

Обычно после пробуждения она забывала о своих снах, но сегодня все было иначе. Женщина четко вспомнила все детали, сцены снова и снова проигрывались в ее голове, как в кино.

Это был такой удивительный сон. Единственное, на что она жаловалась, так это на то, что не смогла досмотреть его до конца. Это было не так приятно, как могло бы.

Она не знала, вызван ли ее сон тем, что произошло в тот день, или это что-то, что случилось после ее смерти в предыдущей жизни.

Независимо от того, было это на самом деле или нет, боль, которую она принесла с собой из предыдущей жизни, начала рассеиваться. Женщина по-прежнему ненавидела тех людей, но четко понимала, что самое главное для нее сейчас — это жить хорошей жизнью, которая теперь у нее впереди.

В последующую неделю Синьюнь была занята похоронными делами. Фан Цзюньжун не собиралась присутствовать на похоронах, хотя многие говорили ей, что он уже скончался, и что было бы правильно, если бы она там присутствовала. Однако женщина не собиралась примириться с ним даже после его смерти.

Говорили, что после смерти человека о нем помнят чаще всего именно хорошее. Тем не менее, когда она думала о Ли Ванцзине, то вспоминала только тот момент, когда он и Ли Шицзэ заперли ее в психиатрической лечебнице. Она не могла найти в себе ни капли сострадания к нему.

Больше всего женщина переживала за дочь. К ее удивлению, Синьюнь справилась со всем сама. Она позаботилась обо всем, что касается похорон, с помощью Чжун И и нескольких помощников.

После семидневного перерыва она вернулась домой, под глазами у нее появились темные круги.

Фан Цзюньжун обняла ее и принесла фрукты.

— Хочешь?

Они были из измерения. Вымыв, женщина разрезала их на мелкие кусочки. Эти фрукты даже выглядели иначе, чем обычные. Как будто на них наложили фильтр, будто они могли попасть на обложку журнала, если бы их случайно сфотографировали. Она собрала семена с плодов. Ей хотелось узнать, сможет ли она вырастить их в реальной жизни, и каковы они на вкус, если это получится.

— Хм, мне сейчас ничего не хочется...

Ли Синьюнь только закончила говорить, как ей в рот положили кусочек яблока. Ее глаза расширились, она взяла тарелку с фруктами и начала их есть. Один кусок за другим, ела без остановки.

— Как вкусно! Откуда они у тебя? Я впервые пробую что-то настолько вкусное! Они сладкие и хрустящие! — она чувствовала себя очень довольной после того, как съела половину тарелки.

Ли Синьюнь не была уверена, что ей показалось, но после этих фруктов даже почувствовала себя менее уставшей.

Фан Цзюньжун небрежно сказала:

— Это новый сорт, и в продаже их пока не найти.

Ли Синьюнь не совсем поняла, что имела в виду ее мать, поэтому пока ограничилась едой.

Пока девушка ела, ее щеки надувались, как у хомяка. Она ничего не сказала о похоронах, но помощники позже расскажут Фан Цзюньжун все подробности. Так, женщина узнала, что Ли Шицзэ появился на похоронах только для того, чтобы зажечь благовония для своего отца, и, не выдержав презрительных взглядов других гостей, уехал.

Любимый сын Ли Ванцзиня, на которого он возлагал все свои надежды, оказался столь бесцеремонным даже на его похоронах. Если бы Ли Ванцзинь узнал об этом из загробного мира, он выпрыгнул бы прямо из гроба.